

высотой ставок превосходил все предыдущие тарифы) и увеличение поступления импортных товаров за годы откупа. В Швеции, для сравнения, таможенная арендная сумма и возможности ее увеличения тщательно просчитывались и обсуждались при перезаключении договоров. Кадровая политика, проводимая Шемякиным и его компаньонами с согласия правительства, также повлияла на исход предприятия. Назначение на таможенную службу попадало в зависимость от срока действия контракта откупщиков с правительством, что увеличивало количество злоупотреблений на местах. Регулярные жалобы Шемякина на неправомерные действия командиров воинских команд, направляемых для оказания помощи таможенным служащим, получение ими взяток за тайный провоз товаров через границу оставались без внимания правительства. Все эти факторы вместе с нарушениями условий контракта самого откупщика и его помощников закономерно привели к неблагоприятному результату.

В ноябре 1763 г. Екатерина II учредила Главную над таможенными сборами канцелярию под руководством действительного тайного советника И. Э. Миниха, которому предписывалось с навигации 1764 г. взять таможенные сборы в казенное содержание. С 1 января 1764 г. таможни перешли в государственное управление¹³. По итогам года Комиссия о коммерции сравнила данные о таможенном доходе, полученном за 1764 г. и в период откупа. Шемякин с компаньонами платил в год 885 пудов, 14 фунтов, 61 золотник ефимков и 1405711 руб., а в 1764 г. в казну поступило 1110 пудов, 28 фунтов, 45,5 ефимков и 1671953 руб. за вычетом расходов, что подтверждало выводы Теплова о сомнительной возможности получения государством большой прибыли от таможенного откупа¹⁴.

Правительство, передавая таможни на откуп в годы Семилетней войны, надеялось получить стабильный доход от таможенных сборов и использовать его на военные нужды. Однако война традиционно приводила к сокращению внешней торговли, тем более что среди противников России в Семилетней войне оказался ее главный торговый партнер — Англия. В контракте с Шемякиным не оговаривался вариант возможного уменьшения таможенных сборов из-за условий военного времени, что заставляло откупщика и его компаньонов нарушать закон ради исполнения договора, но в то же время он сам не захотел признаться Коммерц-коллегии в убытках за первый год откупа и добровольно расторгнуть контракт. Деятельность Шемякина продемонстрировала отношение российских купцов к таможенному откупку и таможенной политике государства. Шемякин стремился к получению прибыли любой ценой, не принимая во внимание, что средства достижения этой цели могли нанести вред таможенной политике государства в целом.

Примечания

¹ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 6. № 3713; РГАДА. Ф. 276. Оп. 1. Д. 589. Л. 3, 5, 71–73.

² ГААрхО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 8. Л. 105; ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 12. № 9457, 9506.

³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 15. № 10837.

⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 195. Л. 188.

⁵ Таможенное дело в России: X — начало XX вв.: (Ист. очерк. Документы. Материалы). СПб., 1995. С. 49.

⁶ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. № 11658.

⁷ РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 585. Л. 200–201.

⁸ Там же. Д. 581. Л. 21 об.; Д. 589. Л. 1–58.

⁹ Там же. Д. 581. Л. 4 об.–5.

¹⁰ Там же. Д. 580. Л. 1–9 об.

¹¹ Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 572. Л. 158 об.–159.

¹² Лодыженский К. Н. История русского таможенного тарифа: Исслед. СПб., 1886. С. 122–123.

¹³ ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 16. № 11985; Архив СПбИИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 596. Л. 4–8 об.

¹⁴ РГАДА. Ф. 397. Оп. 2. Д. 195. Л. 188, 191.

И. Н. Юркин

«И НЫНЕ СОСТОЯТ РАЗОРЕННЫМИ И ОПУСТЕЛЫМИ?» (Номенклатура и сбыт продукции подмосковных металлургических заводов, избежавших закрытия по сенатскому указу 1754 г.)

В 1754 г. указом Правительствующего Сената от 22 августа было предписано уничтожить истреблявшие древесину заводы, располагавшиеся ближе 200 верст от Москвы. Это распоряжение, действовавшее и исполнявшееся на протяжении десятилетия, нанесло тяжелый удар по металлургической промышленности Московской губ.

Интригу, лежащую в основании появления на свет этого документа, участие в ней Шуваловых и мотивы их действий (братья Александр и Петр Ивановичи Шуваловы были заводовладельцами), наконец, историю реализации положений указа в общих чертах рассмотрел Н. И. Павленко¹. В недавней нашей статье уточнен круг предприятий, затронутых действием указа, и обсуждена роль, сыгранная в его подготовке побудительными мотивами экологической природы² — та мотивация, которая с легкой руки Павленко считается в литературе, в общем, формальной, не отражающей истинные мотивы действий законодателя.

Согласно тексту указа, уничтожению подлежали все (за вычетом конкретно оговоренных многочисленных исключений) предприятия металлургической и стекольной отраслей, расположенные в границах объявленной запретной для них зоны. Список включает 13 заводов, а именно:

- статского советника Никиты Демидова железные в Алексинском у. на р. Дугне;
- его же молотовой в Калужском у. в Ромодановской волости на р. Выровке;
- покойного действительного статского советника Акинфия Демидова железный, в Тульском у. на р. Тулице, на котором «доменного действия не бывает»;
- тулянина Родиона Баташева молотовой в Медынском у. на р. Грязненке;
- туляк Максима Мосолова с братьями железные в Старорусском у., в вотчине Пафнутьево-Боровского монастыря, в деревне Лениной, на р. Мыжеге;
- туляк Мосоловых³ Верхний и Нижний Шанские доменный и молотовой в Можайском у.;
- тулянина Федора Мосолова с детьми железный в Алексинском у. на р. Дубне⁴;
- покойного действительного тайного советника Александра Львовича Нарышкина железные в Каширском и Алексинском у., из которых последние «стояли пусты»;
- вяземского купца Федора Карасева с братьями Нижний и Верхний Подбережские доменные и молотовые в Зубцовском у.;
- калужан Петра и Ивана Золотаревых доменный и молотовой в Калужском у. на р. Киевке⁵.

Кроме того, было приказано прислать в Сенат сведения еще о двух предприятиях в Тульском у. — Родиона Баташева и Ильи Данилова (имелись в виду располагавшиеся в Тульском у. заводы, соответственно Тулицкий и Верхотулицкий), на которых делались «вещи» на «оружейное дело». В отношении их решение до рассмотрения запрошенных сведений откладывалось.

Учитывалась вероятность обнаружения в запретной зоне других предприятий, не замеченных законодательством, их по выявлении также предписывалось «все генерально уничтожить». Такие действительно обнаружались: в поле внимания дополнительно попал Серпейский (Песоченский) завод А. Гончарова⁶.

В истории реализации указа 1754 г. можно выделить два периода. На первом, относящемся ко второй половине 1754 и 1755 гг., затронутые им металлзаводчики — Афанасий Гончаров, Евдоким Демидов (наследник Н. Н. Демидова), Родион Баташев, Илья Данилов, Максим Мосолов с братьями — вооружившись подходящими к делу аргументами, убеждали Сенат исключить свои предприятия из черного списка. Но уже в 1755 г. главный их противник А. И. Шувалов предпринял контрдействия, и на втором этапе «продавил» ряд властных распоряжений (1756, 1761 гг.), отражавших его интересы.

Обостряясь и затухая, борьба продолжалась до смерти императрицы Елизаветы Петровны. «Оные заводы, — писал, подводя ее итоги сын М. П. Мосолова Антипа, — доведены уже до самого крайнего разорения, кои и ныне состоят разоренными и опустелыми <...>»⁷. Лишь в начале царствования Екатерины II с падением влияния Шуваловых компания сошла на нет. Ее завершил сенатский указ 1765 г. (высочайше подтвержденный его доклад), давший действиям Шуваловых жесткую и нелицеприятную оценку и возвративший право на существование всем подмосковным металлзаводам, сумевшим выстоять в годы гонений.

В настоящей статье рассмотрен экономический аспект вопроса: как этим предприятиям удалось остаться «на плаву» в условиях, когда угроза уничтожения потребовала поиска сильного патронажа, а обращение к таковому — адаптации к нему номенклатуры производства и рынка сбыта продукции. С этими вопросами тесно связан еще один — о взаимодействии частных заводчиков с казенными предприятиями.

Статья основана на материалах архивного дела 1778 г. о сборе сведений об этих заводах и их владельцах, произведенном по инициативе местной администрации — Тульского наместнического правления⁸. В силу местного характера инициативы ее результаты, если и нашли отражение в фондах центральных архивов, то только в виде итоговых, сводных документов. Эти материалы содержат ценные данные об экономических показателях работы заводов, в том числе, об объеме производства и себестоимости производимой ими продукции, а также о ее реализации — куда она сбывалась и по какой цене.

9 июля 1778 г. Калужский, Тульский и Рязанский наместник генерал-поручик Михаил Никитич Кречетников, возглавлявший действовавшую в это время Комиссию о Тульском оружейном заводе (она должна была выработать новое положение о предприятии), направил Тульскому наместническому правлению предложение, в котором в дополнение к ранее запрошенным сведениям о заводах в губернии, «от Москвы менее 200-т верст отстоящих», просил «истребовать» от их владельцев сведения, «коликое... число вырабатывается на них ежегодно металла, *по какой цене им обходится и продается*, в каких местах для употребления отпускается, [да]бы, асмотрев из того общую и частную пользу, возможно было сделать о них по[ст]ановления»⁹.

Тульское наместническое правление отапортовало Кречетникову об исполнении поручения 5 декабря того же года. В Тульском наместничестве местным чиновникам был известен только один действующий металлзавод¹⁰ — в Алексинском у. заводчика Филиппа Мосолова на р. Дубне¹¹. Потребовать сведения о нем было поручено нижнему земскому суду. По поводу еще двух действующих заводов, находившихся недалеко от Алексина — Дугненском Евдокима Демидова и Мышегском Антипа Мосолова — потребовалось связаться с Калужским наместническим правлением (первый завод по действовавшему административно-территориальному делению находился в Перемышльском, второй в Тарусском у. Калужской губ.). Собранные сведения поступили в Тульское наместническое правление к 13 ноября и в оригиналах были переданы Кречетникову¹².

Они содержали следующую информацию о продукции заводов и ее сбыте.

Иван Васильев, приказчик Дубненского завода Ф. Мосолова, 28 сентября 1778 г. сообщил, что на заводе выплавляется чугуны (от 2600 до 4200 пудов в год), производится чугунное литье — в песок (от 2300 до 3000), глину и опоки (от 2400 до 3900), изготавливается железо полосное и связное (от 2000 до 3000). Себестоимость продукции составляла: чугуна от 26 до 27 коп. пуд, песчаного литья от 32 до 33, литья «апоичатого» от 56 до 57, железа от 63 до 64 коп. Продукция реализовывалась большей частью при заводах, эпизодически также в Москве и других местах по ценам: литье песчаное от 35 до 38 коп. пуд, опойчатое от 60 до 63, железо от 70 до 72 коп. с отклонениями от этих цифр в обе стороны. Отпуск для продажи «к портам» не практиковался¹³.

Илья Алфимов, приказчик Мышегского завода А. Мосолова, представил данные 13 октября 1778 г. Он сообщил, что чугуна выплавляется до 5000 пудов, «выливается в песок разные всякия заводския, и лесопиленныя и мельничныя инструменты, загнетные и весовые доски и разные решотки и болюстры, и в продчих разных вещах литья до 9000; выливается ж в фурмы и апоках разного в котлах горшках и в продчих вещах литья до 8000; полоснаго железа до 4000; связнаго железа ж до 3000; стропильнаго железа до 1500; плющильнаго железа до 500; полосное железо в машинах употребляется на прореску: на тройной сорт до 500; на пятерной сорт до 1000; на семерной сорт до 1500». Отмечались колебания «в зделке» продукции по причине «разных обстоятельств и починки».

Себестоимость определялась с учетом налогов и заводских расходов. Для чугуна она составляла 35 коп. с четвертью. Чугун (с прибавлением покупного) шел на расковку в железо; в переработку отправляли и «издержанныя в мошинах инструменты, кои уже к действию не способны».

Себестоимость литья и железа составляла: литье в песок 38 коп., в фурмы и в опоках 65, полосовое и связное железо от 73, стропильное от 75, прорезанное в машинах: тройной сорт по 81, пятерной от 87, семерной от 92 коп., плющильное по ценам последнего. Себестоимость могла колебаться «в разсуждении покупок материалов и в доставлении оных», а также платы наемным работникам.

Продукция продавалась при заводе по следующим ценам: литье в песок от 40 до 45 коп., в фурмы и апоки от 70 до 75, полосовое и связное железо от 80 до 85, стропильное от 82 до 87, тройной сорт по 85, пятерной от 90 до 95, семерной от 97 коп. до 1 руб., плющильное по ценам семерного. «Смотря по обстоятельству времени и покупщиков», цены могли снижаться. Закупившие металл оптовики уже от себя отправляли его к Санкт-Петербургскому и Рижскому портам и в другие города. Продукция, остававшаяся на заводе, отпускалась в Москву, Тулу, Калугу, Смоленск, Вязьму, на Курскую Коренную ярмарку, где продавалась «с приложением в ценах провоза и последующих на то расходов». Отметим сходство этого перечня со списком мест, куда уходила продукция соседнего Дугненского завода в середине 1720-х гг.¹⁴ — это может быть интерпретировано как свидетельство устойчивости производственной специализации и обусловленных ею торговых связей в данном секторе промышленности.

Помимо работы на рынок, завод в военное время выполнял и казенные заказы. По нарядам Берг и Адмиралтейств коллегий здесь «в немалом перед другими заводчиками количестве» отливали «бомбы, гранаты, кортечи, брансугли и прочие военные снаряды», которые «в повеленные места по

указам доставляемы бывают». Как раз в это время выполнялся один такой заказ: указом Берг-конторы было «велено при оном заводе отлить в само скорейшем времени в Днепровскую экспедицию ядер 6-фунтовых 1650, 3-фунтовых 1200, кннпелей 36-фунтовых 540, 24-фунтовых 1080, 18-фунтовых 600, 12-фунтовых 1170, да в Тоганърог 1626, 6-фунтовых 450, а всего <...> вещей 8316»¹⁵.

Известие о третьем заводе пришло так же в октябре 1778 г. Доношение в Перемышльский нижний земский суд поступило от имени Василия Евдокимовича Демидова, сына заводовладельца. Василий сообщил, что из-за переходящих остатков точные годовые экономические показатели завода установить невозможно, поэтому он «за удобнейшее средство» считает предоставить сведения «с начала заведения вновь на том заводе капитала и материала». За начало он принимал 1764 г., в котором «от наводнения дождевой воды завод размыло и заводскую кантору, и в ней имеющиеся от начала завода заводския записныя книги... без остатку разнесло»¹⁶. После этого завод был отстроен заново, тогда же были завезены на него руда, дрова и материалы.

За следующие 14 лет было выплавлено 2 млн. 399 тыс. 312 пуд. 13 фунтов чугуна, что в среднем на год составляло 171 тыс. 379 пуд. 18 фунтов. С учетом расходов на привозные дрова себестоимость чугуна по годам колебалась от 17 до 22 коп. за пуд, в среднем — 19,5 коп. без учета десятичных и экстраординарных денег, которых в военное время платилось по 8, в мирное — по 4 коп.

Отливка изделий на заводе не производилась; чугун выливался в штыки, поступавшие на переработку в железо. В 1776 г. Е. Н. Демидов остановил на Дугненском заводе все молотовые фабрики, и со следующего года весь чугун водой и подводами доставлялся на Людиновский завод, где перерабатывался в железо. Впрочем, в особых случаях, а именно в годы русско-турецкой войны (включая «последнепрошедшую») литье на Дугненском заводе все же осуществлялось: здесь по указам Берг и Адмиралтейств коллегий отливались для флота ядра и бомбы¹⁷.

Сведения о переделе чугуна таковы. С 1764 по 1776 г. на обоих заводах, а с 1777 по 1778 г. на одном Людиновском, было выделано 1 млн. 511 тыс. 912 пуд. железа, в среднем за год — 107 тыс. 993 пуда. Себестоимость составляла от 45 до 57 коп. пуд, в среднем — 50,75 коп. Железо продавалось помещикам Калужского, Мещовского, Брянского и др. уездов, тульским и других городов купцам, которые отправляли его в Киев и другие города Украины. Иногда эти покупатели разбирали железо полностью, иногда оставался небольшой остаток. Последний (не более 10 тыс. пудов) отправлялся к Петербургскому порту. Продажная цена колебалась от 55 до 75 коп. в зависимости от стоимости издержанных в производстве покупных материалов, составляя в среднем: при продаже на заводе — 62 коп., с провозом до Тулы, Смоленска и других городов, в зависимости от расстояния, — от 65 до 75 коп., при Петербургском порте — 80 коп.¹⁸

Перед нами три завода, заметно между собой различающиеся. Производительность Дубненского по чугуну в среднем 9450 пудов в год, Мышегского — до 22000 пудов, Дугненского — 171379 пудов. Если Дубненский завод принять за единицу, то производительность Мышегского — 2,3 такой единицы, Дугненского — 18,1. Другими словами: если считать по чугуну, Дугненский завод это 18 Дубненских. Производительность по железу сравнить не удастся: на Дугненском заводе его производство с 1777 г. остановили, на Мышегском, напротив — даже прикупали чугун для передела. Впрочем, имеются сведения о мощности молотовых фабрик заводов Дубненского и Мышегского: 2–3 и до 9 тыс. пуд. соответственно.

Под закрытие в рамках «лесоохраной» компании попали все три завода, прямо упомянутые в сенатском указе от 22 августа 1754 г. Некоторые сведения о том, как их владельцы пытались избежать уничтожения предприятий, имеются для заводов Мышегского и Дугненского.

Согласно сенатскому указу 1754 г., заводы могли действовать еще один год, в течение которого должны были переработать все имеющиеся на них запасы сырья и топлива. Таким образом, некоторое время для того, чтобы вывести свои заводы «из-под топора», у их владельцев было. Они этой возможностью воспользовались. Решения, принятые в ответ на их усилия, относятся, первое, к 12 мая 1755 г.: по челобитью Е. Н. Демидова Дугненскому и Выровскому доменным и молотовым его заводам было велено «быть по-прежнему в действии», второе, к 24 октября того же года: четырем заводам, в том числе Мышегскому М. П. Мосолова с братьями, для Тульских оружейных заводов «к деланию железа и чугунных вещей оставить в действии»¹⁹.

Проще всего решил вопрос с Мышегским заводом: его владелец «зацепился» за военно-промышленный комплекс Тулы, основу которого составлял казенный Тульский оружейный завод, способный стать спасательным кругом огромной грузоподъемности. И он таковым стал. Вот как в июне 1777 г. в своем доношении тарусскому земскому исправнику писал об этом владелец завода Антипа Максимович Мосолов: Мышегский завод оставлен в действии «по указу Правительствующа-

го Сената 1755-го года июля 22 дня <...> для государственной и всенародной ползы, а паче для Тульских оружейных заводов, по доброту железа к деланию онаго, также и чугунных вещей».

Конечно, добровольное согласие выполнять поступавшие с завода задания (несомненно, не всегда экономически выгодные²⁰) подразумевало определенную перестройку производства: сокращалась доля продукции, поступавшей на рынок, увеличивалась доля госзаказа. Кроме того, понадобилась, очевидно, определенная техническая его адаптация, но во сколько она обошлась — судить затруднительно; известно лишь, что последующее поддержание завода (ремонт и модернизация), по утверждения владельца, потребовало инвестирования не менее 35 тыс. руб.²¹

Чтобы понять последующее, необходимо учесть, что на протяжении всего XVIII – начала XIX в. Тульский оружейный завод неоднократно ставил и повторно решал перманентно актуальный вопрос: какое железо для него лучше и выгоднее: с подмосковных заводов (в т. ч. с Тульского завода Демидовых), ручное (производства тульских железного дела промышленников) или заводское сибирское. В разное время испытания давали различный результат, с учетом чего корректировался выбор. Одна из таких перемен произошла в начале 1760-х гг. Оружейная канцелярия обратилась в Берг-коллегию (а та в 1764 г. в Сенат), сообщив, что «канцелярия во оставленных заводах, в том числе и в означенном Мышевском, надобности не находит, а довольствуется сибирским железом»; в связи с этим требовала, «чтоб оставленные заводы, в том числе и <...> Мышевской, уничтожить»²². В ответ на это, рассказывает А. Мосолов, его отец «бил челом, что <...> с того Мышевского ево завода и ныне ко оружейным заводам чугунные инструменты и железо требуется, и <...> оной <...> для Оружеинаго завода надобен». Владелец обращал внимание на значительные собственные и заемные средства, вложенные завод, и заявлял, что «вместе с ним всеконечно и он разорен будет, потому что к пропитанию ево последняя надежда осталась от онаго завода, ибо с протчими несчастливыми своими сотоварищами в ево разорении заводов претерпел он всех наиболее лишением трех заводов²³, кои състояли не менее ста тысяч рублей». Во мнении, представленном императрице, Сенат рекомендовал «назначенные ко уничтожению заводы, в том числе Мышевской, не уничтожать, а оставить их в своей силе и действии по-прежнему»²⁴. При этом весьма нелицеприятная оценка была дана действиям А. И. Шувалова.

Сочувствуя Мосолову и отдавая должное наконец пробудившейся мудрости Сената, задумавшись над тем, почему инициатором запоздалого применения к Мышегскому заводу указа 1754 г. выступила Оружейная канцелярия. Полагаем, ее позицию определил углублявшийся «дровяной» кризис. Для удовлетворения нужд Оружейного завода канцелярии после приписки к заводу казенных засек древесины хватало. Но рыночная цена угля в Туле продолжала расти, и металлургические заводы, чтобы их владельцы не говорили об удаленности источников, из которых они черпали лес, ситуацию усугубляли. Получается, что в начале 1760-х после переориентации Оружейного завода на сибирское железо Мышегский завод стал для него не только ненужной обузой, но еще и конкурентом в потреблении сжимавшегося ресурса. Косвенным подтверждением этого объяснения является отсутствие в доношении, поступившем от мосоловского заводского приказчика в октябре следующего (1778) г., упоминаний о продукции для Оружейного завода — как специально изготовленной, так и поставленной из ассортимента. Таким образом, даже если Мышегский завод в середине 1750-х гг. и перестроил производство с учетом нужд Оружейного завода, перестройка (в отношении продукции и ее сбыта) была относительно неглубокой, и десятилетие спустя следы этой перестройки уже стерлись.

Разрешение сохранить Дугненский завод было дано также в 1755 г. Евдоким Демидов утверждал, что: а) дрова для завода не покупаются, а заготавливаются в собственных его дачах, и происходит это в «дальних местах», приблизительно в 300 верстах от Москвы; б) металл отправляется для передела на Брынский завод в Мещовский у., т. е. тоже за пределы запретной зоны. Закрытие Дугненского завода, указывал Демидов, неминуемо приведет к закрытию связанного с ним передельного предприятия. Указом Сената от 23 мая 1755 г. Берг-коллегии было велено освидетельствовать Дугненский завод. Утверждения заводчика подтвердились, и 12 сентября 1755 г. определением Берг-коллегии владельцу завода было разрешено на нем «по-прежнему работу производить»²⁵.

Но, как и в случае с Мышегским, владельца этого завода ждало еще одно испытание. По поданным в Берг-коллегию доношениям Шувалова, определениями Сената от 7 сентября и 29 октября было решено «Выровской молотовой так и при нем доменные заводы, кои вновь в 759-м году сыном онаго Алексеем Демидовым построены, паки по челобитью вышеозначенного графа Шувалова <...> уничтожить и впредь не быть»²⁶. Дугненский завод не принадлежал к «новым» (для этой ветви демидовского рода он был фактически первым), но в целом удар по хозяйству заводчика получался довольно сильный.

Любопытно, что Демидов тоже пытался разыграть «оружейную карту». Но в его случае существовало обстоятельство, затруднившее достижение успеха на этом пути. На истории отношений с казенным заводом оставил пятно случай, когда «по требованию той канцелярии» с демидовского завода не было дано железа «для учинения пробы». Почему так получилось — не ясно. Не исключаем, что заводовладелец боялся испытаний — того, что его железо окажется хуже других образцов. В доношении в Оружейную канцелярию Демидов дал, разумеется, иное объяснение своему поведению: «уже доньше за 15 лет по пробам и в самом деле по мастерским свидетелствам оное, кроме сибирскаго, лутче других оказалось; и доньше руда берется из собственной <...> земли из одного ж места, а из тамошних других руд, кроме их *ивашкинской* руды, в подобие ей нигде добротою быть не может». Другими словами: раз всем известно, что его железо — наилучшее, другим оно быть не может. Если Сенат соизволит «достоверную оному пробу учинить ныне, по прибытии сюда корована, <...> взяв с каждого заводу по несколку полос, то <...> пре[д] другими несравнительная оного доброта окажется <...>»²⁷.

С сожалением отметим, что нам неизвестно, как удалось сохранить крошечный Дубненский завод. Небольшие объемы производства на нем, наличие полного набора базовых технологий (выплавка чугуна, литье, производство железа), дешевизна продукции, сопряженная, возможно, с невысоким ее качеством, реализация большей ее части при заводе — все говорит о том, что это было предприятие местной промышленности, ориентированное на нужды локального рынка и способное гибко под него подстраиваться. Опасности в качестве конкурента крупным промышленным хозяйствам оно не представляло. Но завод находился внутри 200-верстной запретной зоны (что признается в доношении, поступившем с завода²⁸) и по формальному признаку подлежал закрытию. Что его просто забыли — крайне маловероятно. В поступившей в наместническое правление в 1778 г. сказке приказчика факт не объяснен — только констатирован.

Итак, благодаря привлеченному нами новому источнику на примере одной из групп входивших в состав подмосковной металлопромышленности заводов проясняется, в каком направлении происходила и в чем заключалась ее адаптация к неблагоприятному для нее развороту промышленной политики государства. Владельцы ряда предприятий пошли на выполнявшую защитную функцию «привязку» к казенному оружейному заводу и, несмотря на необходимость экономически невыгодных им уступок (изменения объемных долей в структуре продукции), сумели сохранить эти предприятия и смогли приспособиться к кризисным условиям хозяйствования.

Виден ситуативный, не отражающий долговременные потребности промышленников характер этой адаптации. Альянс с предприятием из состава государственного военно-промышленного комплекса изначально носил прежде всего камуфляжный характер. Оружейникам, для которых первостепенную значимость имел вопрос качества железа, сотрудничество с местными заводами было интересно не столько в отношении металла, предназначавшегося на «оружейные вещи» (в поисках продукции лучшего качества ими велся постоянный мониторинг рынка железа), сколько в плане «чугунных вещей»: срочного штучного литья на те или иные заводские потребности. Экономически не были заинтересованы в этой связке и металлзаводчики, предпочитавшие работу с рынком, с которым они освоились и который своим присутствием на нем отчасти формировали.

На примере крупного Дугненского завода особенно отчетливо виден искусственный характер связи частных заводчиков с казенной промышленностью, возникший после указа 1754 г. Завод постепенно специализировался на выплавке чугуна для передела, осуществлявшегося первоначально на самом заводе, позже на особом молотовом предприятии. Литье изделий из чугуна, по данным на 1764 г., на заводе не производилось, и организация его исключительно для исполнения казенного заказа была сопряжена с рядом трудностей и дополнительных затрат. Если судить по факту отказа Демидовым дать металл на пробу, казна не представляла для него интереса даже в качестве покупателя основной продукции — железа.

После завершения компании, развернутой по сенатскому указу 1754 г., связи металлзаводов с госзаказом в известной степени все же сохраняются, но носят спорадический характер: исчерпываются обеспечением армии боеприпасами в годы военных кампаний. Заинтересовано в таких контактах прежде всего государство. Продукция частных металлзаводов производится для рынка и посредством рынка реализуется.

Примечания

- ¹ Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 129–132, 467.
- ² Юркин И. Н. Как хоронили подмосковную металлургию: (К истории реализации сенат. указа 1754 г.) // История Московского края: Проблемы, исслед., новые материалы. М., 2008. Вып. 2. С. 108–121.
- ³ В публикации данного указа в ПСЗРИ (Собр. 1. Т. 14. № 10285) эта фамилия присутствует в форме *Масаловы*.
- ⁴ В ПСЗРИ — «на речке Дугне», что является ошибкой.
- ⁵ По названию реки этот, находившийся в 3 км от Калуги, завод именовался Киевским (Павленко Н. И. История металлургии... С. 187).
- ⁶ Павленко Н. И. История металлургии... С. 466.
- ⁷ ГАТулО. Ф. 54 (Тульское наместническое правление). Оп. 1. Д. 300. Л. 22.
- ⁸ Там же. Л. 1–32.
- ⁹ Там же. Л. 1. Здесь и далее выделения в цитатах наши. — И. Ю.
- ¹⁰ Еще два завода в границах наместничества — Демидова и Баташевых на р. Тулице — в это время стояли «впусте».
- ¹¹ Сын и наследник (с братьями) завода, построенного их отцом Федором Кузьмичом.
- ¹² ГАТулО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 2–3.
- ¹³ Там же. Л. 20–20 об.
- ¹⁴ Юркин И. Н. Продукция и торговые связи Дугненского завода Н. Н. Демидова в середине 20-х годов XVIII века (по материалам алексинских таможенных книг) // Российское предпринимательство: История, традиции, памятники: Тез. 2-й Всерос. науч. конф. «Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства». М.; Тула, 1995. Ч. 2. С. 75–90.
- ¹⁵ ГАТулО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 28–29. Форма числительных в цитате нами унифицирована: все переданы арабскими цифрами.
- ¹⁶ Там же. Л. 30–30 об.
- ¹⁷ Для подобных случаев на Дугненском заводе были оставлены работоспособные домы (Там же. Л. 31 об.).
- ¹⁸ Там же. Л. 31 об.–32.
- ¹⁹ Там же. Л. 23 об.–24.
- ²⁰ Напомним о весьма непростых отношениях с казной Н. Д. и А. Н. Демидовых, предпринимательский успех которых во многом был обусловлен льготами, полученными за многолетнее исполнение разнообразных заказов казны (см. прил. 1 к части 2 в кн.: Юркин И. Н. Тульский завод Демидовых: Из истории становления и развития домен. металлургии России, 1695–1782. М., 1996).
- ²¹ ГАТулО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 22–22 об.
- ²² Там же. Л. 22 об.
- ²³ Подразумеваются потери, понесенные братьями Мосоловыми от действий А. И. Шувалова.
- ²⁴ ГАТулО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 300. Л. 25 об.
- ²⁵ Там же. Л. 15 об.–16.
- ²⁶ Там же. Л. 23 об.
- ²⁷ Там же. Л. 6 об.
- ²⁸ Там же. Л. 19.

Ю. И. Головки

ОПИСАНИЕ ТОРГОВЛИ С ТУРЦИЕЙ, СОСТАВЛЕННОЕ КУРСКИМ КУПЦОМ МИХАИЛОМ ОДНОРЯДКИНЫМ (1765 г.)

Вопрос о развитии торговли и судоходства на Черном море долгое время был одним из главных во взаимоотношениях Турции с большинством европейских государств, в том числе и с Российской империей. Хотя к началу 60-х гг. XVIII в. право российского купечества торговать на территории Османской империи, «как и прочия иностранная наипочтеннейшая нации», было закреплено российско-турецкими договорами, благодаря ряду привилегий европейское купечество имело в торговле с Турцией существенные преимущества перед российским¹. Тем не менее, и европейские купцы должны были учитывать специфику местной турецкой торговли и полагаться в решении многих торговых вопросов на местное купечество, выступавшее в роли посредника между иностранными торговыми домами и внутренними регионами Турции. Соответственно именно посредники и определяли уровень цен и спрос на товары как импорта, так и экспорта.

Турецкое купечество, во многом ограничивавшее возможности иностранных купцов, в не меньшей степени ограничивалось в своих правах и возможностях самим турецким государством: участие не только иностранного, но и местного купечества в тех сферах торговли, которые были признаны стратегическими для обороны или экономики государства, строго регламентировалось, а бесправие турецкого купечества приводило к утаиванию доходов от государства, даже за счет ограничения собственной торговли и к переходу к тем видам деятельности, которые позволяли не так